

О СОПРОТИВЛЕНИИ

(Письмо из заключения)

Дорогой,

Ты спрашиваешь, как отсюда, из Бялоленки, видно, что происходит у вас, „на свободе”, как я оцениваю возможность сопротивления и что думаю о его перспективах.

Отсюда все выглядит иначе. Тут не теряешься в мелочах и виднее ретушь. Но меньше знаешь. Эта нехватка деталей приводит к тому, что не во всех тонкостях можно разобраться. После пяти месяцев изоляции не так уж четко ощущаешь пульс варшавских улиц и настроение людей, с которыми провел столько лет. Учти это.

Ты спрашиваешь, верю ли я в смысл существования политического подполья. Прежде чем ответить на этот вопрос, позволь мне задать встречный: была ли Солидарность, по-твоему, историческим явлением или малозначительным эпизодом в польской истории? Была ли она результатом случайного стечения обстоятельств, неповторимой деформацией исторического процесса или же естественным, легитимным итогом стремлений польского народа? Если Солидарность была лишь эпизодом, тогда коммунисты сотрут ее след не только с городских заборов. Но если она была подлинно народным движением, то ее не заменить такими искусственными организациями как Военный совет национального спасения (ВСНС),* появившимися на свет по приказу военных, и план коммунистов — и тех, что с винтовками, и тех, кто вооружили себя подслушивающими устройствами, жалок, нереален и не в состоянии ликвидировать Солидарность.

* ВСНС — по-польски WRON (Woiskowa Rada Ocalenia Narodowego), — Ред.

За что борются и куда идут

План власти весьма прост. Он сводится к тому, чтобы снова надеть на народ ярмо тоталитарной диктатуры, чтобы лишить дееспособности людей, общество, нацию.

Что же случилось в ночь с 12 на 13 декабря? Заводы взяли силой. Распустили организации рабочих и разогнали их при помощи полиции. Рабочий класс превратили в безвольную, лишенную политического сознания массу.

С тех пор власть имеет дело не с организованными рабочими, а с единицами. Наполеон был прав: достаточно в нужный момент быть сильнее.

Это не мой диагноз политической обстановки после 13 декабря. Этими словами Бертольд Брехт характеризовал захват власти Гитлером. Так же, наверное, историки оценят новый этап истории Польши после 13 декабря 1981 года, если ВСНС осуществит свой замысел — именно замысел, а не программу, потому что никакой программы у них нет. Руководит ими страх, который они называют государственным долгом; их идеология — это одинаковость, которую они называют „народным соглашением”; их метод — жестокий террор, который они сами называют „суровыми мерами военного положения”. Их форма — солдатский мундир, которого они лишили чести. Они безжалостны, но неумелы и смешны, ведь даже военную пилотку сумели превратить в шутовской колпак советского лакея. У них нет ни программы, ни принципов, ни авторитета. У них есть винтовки и танки, но как долго они у них будут?

Когда „демократическая зараза” проникнет к тем, кто носит военную форму? Вопреки тому, что они сами пишут в своих газетах, они прекрасно понимают, что режим не выиграл войну, он выиграл только одну битву. Многотысячная армия победила безоружных рабочих. Режим, однако, проиграл нечто более важное, то, что важно для любого правительства — он проиграл доверие народа. Никто им не верит сейчас и уже никогда не поверит в будущем. Вместе с телами убитых горняков на шахте „Вуек” была похоронена последняя возможность укоренения коммунизма в польском обществе.

Режим не разгромил „Солидарность”, и я уверен,

что ему никогда не удастся сделать это. Общественное сопротивление ВСНСу — это не деятельность небольшой группы „экстремистов”, а всенародное сопротивление, которое сейчас не в состоянии проявить себя в легальной деятельности и потому действует в подполье. Удивляться тому, что существует подпольная Солидарность, не следует. Удивительно было бы, если бы она прекратила свое существование.

Сейчас возникли совершенно новые обстоятельства, совсем не похожие на те, что мы знаем из прошлого. Прежде партаппарат никогда не подчинялся армии, никогда прежде в государстве с коммунистическим правительством армия непосредственно не управляла страной. Что из этого вытекает, в настоящее время оценить трудно, но борьба за власть между армией и чиновниками может быть полна неожиданностей.

Заглядывая в прошлое

При коммунистическом режиме никогда прежде не существовало эффективного подполья. Достижения коммунистов были невелики, но им удалось подавить общественное сопротивление, особенно в его конспиративной форме. В этом они показали себя мастерами. Достаточно сравнить действия подполья в 1939-1941 гг. в генерал-губернии и во Львовском округе (т. е. в Польше и в Западной Украине, — Ред.). Подполье успешно действовало под гестапо и гибло от рук НКВД. Почему? Мне думается, что немцы старались добиться спокойствия в покоренных странах, и поэтому соблюдали ими же установленный „орднунг”, порядок. Немцам не нужен был политически организованный покоренный народ; они намеревались превратить его в народ рабов. В этом смысле они не оставляли у поляков никаких иллюзий. Они ничего не обещали. Карательные отряды не обещали лучшего будущего, но и не требовали от польских приверженцев Гитлера верноподданических деклараций.

Иначе поступали советские завоеватели. Они методически разрушали все общественные связи, разгоняли политические и культурные организации, спортивные и профессиональные объединения, ликвидировали гражданские права и конфисковали частную собственность. Они превращали личность не только

в подданного, но в собственность режима. Они, в отличие от гитлеровцев, стремились навязать полякам свои формы организации. Оккупанты разрешали бедным грабить богатых, всячески поощряли верноподданические заявления и скрывали расстрелы и депортацию неугодных. Как крестоносцы, они насаждали новую веру. При этом дверца оставалась слегка приоткрытой — теоретически каждый мог принять новую веру „самого передового общественного строя” (тем, например, кто хвастает сейчас, что в Польше не было Квислингов, можно напомнить о Ванде Василевской). У поляков есть достаточно оснований гордиться историей своей страны, им нет надобности ее фальсифицировать.

Говоря о советской оккупации, Йозеф Мацкевич, писатель противоречивый и не очень мне симпатичный, точно отметил, что гитлеровская оккупация превратила поляков в героев, а советская — в людей беспомощных, ни на что не способных. Это оказалось возможным только в результате синтеза террора и идеологии, в результате использования революционной демагогии, которая не только оправдывала, но и восхваляла грабежи. Это оказалось возможным в результате разрушения традиционных структур общественной организации и приоткрытием дверцы в „самый прогрессивный строй”. Дверца оставалась открытой для тех, кто поверил в закономерную гибель „старого мира”. Победившие коммунисты обещали также улучшение социального положения и в некоторой степени это свое обещание коммунизм, для принявших его, выполнил.

Коммунисты были щедры, разрешая грабить имущество „эксплуататоров и врагов народа”. Крестьянские топоры разрушали помещичьи усадьбы, толпа уводила скот, поджигала библиотеки, грабила магазины и мастерские, аптеки и квартиры вчерашних господ и сегодняшних врагов новой власти, превращая их в нищих и сама скатываясь при этом в бездну покорности. Так боролись коммунисты с построенной на эксплуатации системой. Систему, построенную на личной собственности, они превращали в эгалитаризм. Это выравнивание по самому низкому уровню активизировало самые низменные начала в человеке, и результаты оказались соответствующими. Люди не забыли невыполненных властями обещаний о разделе земли, о заботе об

униженных и оскорбленных. Правящим классом рабочие стали только на бумаге – в статьях и торжественных докладах, хотя перед некоторыми из них действительно открылась возможность продвижения по социальной лестнице. Занявшие посты в так называемом среднем эшелоне действительно вышли из трущоб, нищеты и убожества. Верхушка, однако, все равно оставалась только для избранных. Секретари парторганизаций, члены горсоветов, директора, сотрудники органов государственной безопасности – стали базой нового, „передового государственного строя”. Но не они определяли его силу. В первый – насыщенный, хмурый, пионерский и героический период формирования коммунистического строя, впрочем, как и позже, силу власти определяло бессилие разгромленного общества.

Коммунизм и общественное сопротивление

Многое изменилось с тех пор. Одетые в солдатский мундир наследники Ванды Василевской не могут предложить массам ни магазинов для грабежа, ни свободных высоких постов. Они не могут обвинить в нищете народа ни буржуев, ни помещиков, ни членов Лондонского правительства,* ни даже „реакционное подполье.

Под властью коммунистической диктатуры общество стало искать новых, более соответствующих обстановке форм сопротивления, пыталось использовать любую возможность, любую трещину в стене тоталитаризма, чтобы воспрепятствовать своей трансформации в кучу разрозненных песчинок.

Когда было уничтожено подполье 1945–1947 гг. и легальная оппозиция Крестьянской народной партии (PSL), значительная часть интеллигенции избрала внутреннюю эмиграцию. В системе верноподданных деклараций и лозунгов, парадов и торжеств само молчание уже было сопротивлением. В те годы молчание было доказательством несогласия с происходящим в стране. Другие стали искать более или менее законных возможностей сосуществования и борьбы, пользуясь при этом покровительством католической церкви. Но возможности польской ка-

толической церкви предоставить такого рода защиту уменьшались из года в год. Группа вокруг католического журнала „Тыгодник Повшехны” решила принять участие в общественной жизни, в науке и культуре, игнорируя при этом область политики. Любая статья – о святом Станиславе или о боях 1939 г., или же по проблемам туризма или археологии, – приобретала, однако, политическое значение. Чем яростнее становились нападки на польскую католическую церковь, тем меньше оставалось возможностей проскользнуть через сеть цензоров даже на страницы католического журнала. „Тыгодник Повшехны” под редакцией Ежи Туровича, в котором печатались Стомма, Завейский, Кисилевский, Возняковский и др., был тогда оазисом для читателя, он старался сохранить его основные ценности, здравый разум и психическое равновесие в обстановке полицейского террора и идеологического бреда.

Католическая церковь стала препятствием произволу тоталитарной власти, встав на защиту национального достоинства поляков, его прав и ценностей. Церковь защищала слабых, духовно поддерживала преследуемых. Благодаря церкви народное сопротивление не прекратилось, хотя не следует забывать, что полицейский террор при одновременной индоктринации и духовном расстлении давал определенные результаты.

В период сталинского террора некоторые участники сопротивления пользовались конспиративными методами, заимствованными у Армии Крайовой, но конспиративные акции были быстро подавлены жестокими репрессиями, а узнавали поляки об этих акциях лишь из сообщений о судебных процессах и по известиям из тюрем. Полезно вспомнить, что епископат польской католической церкви не одобрял тогда подпольного сопротивления. Диктатуры либо разлагаются, либо эволюционируют. Когда они разлагаются – вследствие внутренних или внешних потрясений – волны народного гнева выносятся на поверхность несломленных оппонентов и тех, кто стремится к радикальным изменениям, а в процессе эволюции аппарат власти расшатывается изнутри и движение протеста как бы выходит из его чрева. В идеологическую природу коммунистической системы протест заложен изначально, потому что нельзя безнаказанно провозглашать лозунги о равенстве, создавая одновременно сеть особых распре-

* Польское правительство в эмиграции во время второй мировой войны, – Ред.

делителей для власть имущих; невозможно провозглашать власть рабочих и посылать полицию на подавление рабочих забастовок; невозможно заявлять, что поляки — наследники свободолюбивых традиций и в то же время подавлять любое проявление свободолюбия. До тех пор, пока коммунизм был живой идеологией и привлекал честных людей, он естественным образом порождал в своих рядах ересь и отрицание. Это называлось ревизионизмом. Ревизионизм (термин, который никогда не был четко определен ни самими „ревизионистами”, ни их противниками) в действительности был духовным движением, признаком эрозии партийного аппарата. Стремясь исправить, улучшить „прогрессивный строй”, ревизионисты пытались смягчить тоталитарный характер системы и, пусть бессознательно, расшатывали тем самым и основы правления коммунистической партии.

Нетоталитарный коммунизм существовать не может. Или он становится тоталитарным, или перестает быть коммунизмом. Роль ревизионизма заключалась в том, чтобы подготовить партию к конфронтации с недовольным обществом. После смерти Сталина в партийных выступлениях и докладах появились нотки нормальной речи, человеческого языка, стали говорить о повседневных проблемах. Ревизионисты предлагали либеральные политические реформы, но не выдвигали политической программы. В столкновении с консервативным аппаратом ревизионизм вынужден был потерпеть поражение, после чего оставалось либо признать, что прав партаппарат и его точка зрения и стать на его антиобщественную позицию, либо заявить о необходимости политической реформы и настаивать на этом вплоть до разрыва с партией. Так или иначе, ревизионисты должны были либо слиться с аппаратом, либо стать оппозицией. Заметим, что сопротивление народа активизировалось тогда же, когда режим стал менее репрессивным. Когда террор слабеет, люди становятся более смелыми.

Протесты 1953–1956 гг. родились не в среде ревизионистов, но они не были инспирированы и радикальными противниками послевоенного режима. У бунтарей не было никакой политической программы. Протесты было легко подавить, так как это не были ни политические, ни даже общественные движения.

Это были проявления гнева людей, не желавших далее влачить жалкое существование.

История польского октября — это история двух движений: одно из них — бунт рабочих, а второе — идейный бунт ревизионистов-коммунистов. Поучительна история подавления этих бунтов и анализ методов, которыми Гомулка разрядил ситуацию в стране. Но это тема отдельной работы. Несомненно, однако, что польский октябрь не был подавлен силой (хотя действия полиции против демонстрантов после закрытия журнала „По просту” осенью 1958 г. превратили Варшаву в осажденный город), он как бы растворился, оказался размытым, и потому после его поражения организованное сопротивление не родилось. Процесс „нормализации” Польши после октября можно назвать „нашей маленькой стабилизацией”, которая сопровождалась последовательным сопротивлением католической церкви, критическими выступлениями интеллектуалов и проявлениями недовольства рабочих. Однако подпольного сопротивления не было. Не сформировалось оно ни после студенческих волнений в марте 1968 г., ни после рабочих волнений в декабре 1970 г. Делались иногда попытки организовать подпольные конспиративные группы, но их роль была незначительной. Об этих попытках становилось известно лишь из сообщений о судебных процессах. Оппозиция искала иных форм деятельности — гласных и негласных, но отсутствие гласности не подразумевало наличие организованного подпольного сопротивления. Так, например, негласным было распространение тамиздатской литературы, беседы в действующих официально Клубах католической интеллигенции, беседы на частных квартирах, перепечатывание и распространение неподцензурных статей и книг. Сопротивление существовало, существовало и инакомыслие, но не было независимой польской политики. Обстановка стала меняться в 1976 году, — появились первые программы организованного общественного протеста. Смысл их заключался в открытом характере действий, обязательно открытом, даже когда было известно, что за собранием наблюдают агенты государственной безопасности, как это было с лекциями неофициального Общества научных курсов.

Пусть и недозволенная режимом, но открытая деятель-

ность — такова была парадоксальная тактика того периода. Книжки и газеты печатались тайно, но указывались фамилии их редакторов и авторов. Целью этой открытости было подбодрить людей, поделиться с ними отвагой, расширить „серую зону” — зону маневрирования между ножницами цензора и параграфами уголовного кодекса, пробить брешь в стене инерции и страха. Шанс на успех давала именно гласность, а не конспирация.

Значительное подпольное сопротивление не возникло ни в Венгрии после советской интервенции, ни в Чехословакии после оказания „братской помощи”. Послесталинский коммунизм не знает подполья в существенных масштабах. Может быть, следует задуматься, почему? Эпоха большого террора закончилась для всех, но кончилась и эпоха абстрактных посулов. И все-таки эта система сумела найти средства для стабилизации отношений между властью имущими и народом.

Пытаясь объяснить эту стабильность, чешский журналист Антонин Лим выдвинул тезис о наличии „нового общественного договора”^{*} между властью и подданными. Смысл этого договора в том, что аппарат власти не слишком мешает жить, а люди за это не вмешиваются в дела власти. Власть не слишком грубо вмешивается в сферу частной и профессиональной жизни граждан, а граждане не суются в сферу деятельности партийной номенклатуры. Ярким примером функционирования „нового общественного договора” была Польша времен Герека и до сих пор является Венгрия. В определенном смысле характерные черты этого договора проявлялись и в других странах с коммунистическими правительствами, в том числе в Советском Союзе. Не следует, однако забывать, что в Венгрии кадаровскому курсу предшествовали чрезвычайно жестокие репрессии, которые убили в народе веру в возможность успешного сопротивления. В Польше либерализм в эпоху Герека был продуктом страха перед бунтами рабских, на волне которых Герек, собственно, и пришел к власти, а также перед конфликтом с Западом, поскольку для Герека было важно сохранить в глазах Запада положительную репутацию.

В Чехословакии „нормализацию” начало руководство. Сам

Дубчек (после возвращения из московского заключения, — Ред.) призвал народ прекратить сопротивление. Тысячи активных участников Пражской весны эмигрировали. Подполье в Чехословакии после 1968 г. — небольшая группа, напоминающая скорее первых христиан, прячущихся в катакомбах, чем политическое сопротивление.

Конец рабской психологии

На практике коммунизм ни разу не сталкивался с долговременной эффективной конспирацией. Это можно объяснить тем, что в начале коммунисты ввели кровавый террор и ловко пользовались техникой манипулирования обществом, а потом заключили с народом „новый общественный договор”, который сработал только потому, что память о большом терроре была еще жива.

Обязательным условием коммунистической диктатуры было разрушение общественных связей. Обеспечить прямую и обратную связь должен был аппарат власти и его институты, разрушающие солидарность людей и удерживающие народ в послушании. Такая политика породила особую психологию поработенных народов. Длительные периоды апатии, — отсутствия интереса к политике — прерывались взрывами недовольства без какой-либо политической программы. Это были протесты, но не выступления с требованиями реформ.

Программы реформ разрабатывались в кабинетах, но о них ничего не было известно на заводах. В коммунистических государствах не было независимой политической мысли. В начале XX века польские теоретики и политики такое состояние общества объясняли рабской психологией. Пилсудский, Дмовский, Абрамовский — люди из разных политических лагерей и разных политических школ — сходились в том, что бунт рабов ничего общего с движением, требующим общественных или политических перемен, не имеет. Восставший раб перестает быть слугой, но жаждет мести, а месть неконструктивна. Восставший раб, в лучшем случае, ищет более милостивого царя-батюшку, но не думает о переустройстве государственной системы. У него отобрали чувство единства с другими, язык и идею. Он один на один со

* См. Антонин Лим. „Новый общественный договор”. „Проблемы Восточной Европы”, вып. 2, стр. 45–56.

своей ненавистью и беспомощностью. Понять, в чем суть психологии рабов, исключительнo важно, если мы хотим расшифровать загадку апатии общества в странах с коммунистическими правительствами. На поверхности видны только голые факты — торжественные собрания, парады, стопроцентное участие в так называемых выборах, высокий удельный вес членов партии в рабочих коллективах. Видны также бунты, пылающие здания обкомов и горкомов, диссидентские воззвания и изолированность диссидентов. Но, овладев искусством читать между строк, легко увидеть и то, что объединяет все перечисленные явления — психологию рабов. Я убежден, что августовский протест уничтожил эту рабскую психологию. В течение 15 месяцев народ ощутил вкус свободы, осознал свою силу, солидарность и снова почувствовал себя сообществом граждан и нацией, понимая, что эти два понятия неотделимы друг от друга.

Я не намерен идеализировать „Солидарность”. Я знаю, сколько было демагогии в рамках этого движения, сколько было в нем мелочности и пережитков психологии рабов. Но все это можно наблюдать в любом массовом движении. К тому же — это последствия многих лет рабства. „Солидарность” была первым массовым движением, которое просуществовало многие месяцы и которое пустило глубокие корни в сердца и мысли всех поляков — на заводах, в учреждениях и квартирах. Это-то и вселяет надежду, что движение сопротивления ВСНСу имеет реальную базу и что подполье в состоянии выдержать любые преследования со стороны полиции. Шансом подпольного движения являются достижения „Солидарности”, опыт, накопленный до августа 1980 года, опыт демократической оппозиции и всего польского подпольного движения XIX и XX веков. Этот опыт дает нам знания о ценностях и методах нелегального сопротивления. Его нужно снова изучить и использовать в новых условиях.

Разные обвинения ставились в укор полякам на протяжении веков, но никто не может упрекнуть их в том, что они не знают, что такое конспирация.

Аппарат власти ощущает страх перед подпольем. Этот страх постоянно звучит в радио и телепередачах. Это свидетельствует о странном возрождении „государственной идеи” времен „краковских консерваторов”.^{*} Власть утверждает, что главной ценностью является „идея государства”, что „антигосударственные” действия ведут к гибели народа, что все усилия должны объединиться вокруг „государства” и т. д. и т. п.

Все это разъясняется простым людям: членам же партии, активу прямо говорят о необходимости борьбы с контрреволюцией. Смешно. Напоминать полякам, борющимся за государство на протяжении стольких лет, что государство — это высшая ценность, нет никакой надобности. Полякам, однако, дорога идея независимого, суверенного государства, государства, в котором будет править народ, государства, в котором основной общественной жизни будут законы и правопорядок.

Поэтому, когда власть в стране была захвачена бандой гангстеров, навязавших свою волю народу, то сотрудничать с ней в укреплении государственного строя и есть участие в преступлении. Сопротивление такому государству, гражданское неповиновение заслуживают уважения. Отношение власти к правам человека имеет первостепенное значение. Токвиль говорил, что используя понятие „права человека”, человечеству удалось сформулировать, что является произволом и тиранией. Благодаря идее прав человека, граждане борются за их соблюдение и против беззакония. Только достойные люди — великие люди; только народы, уважающие права человека — великие народы; только в уважающих права человека странах существует общественность. Чего может стоить единство умных и ученых, если объединяет их только сила?

Ни одному народу права человека не были даны даром. За эти права необходимо бороться. Вопрос, однако, заключается в том, как? Я лично принадлежу к тем, кто в последние годы критиковал идею конспиративной деятельности. Сегодня — я за

^{*} В XIX в. некоторые представители краковской школы историков утверждали, что к разделу Польши привели внутренние распри в стране, что независимость Польши невозможна и что поэтому единственным решением является сотрудничество с оккупационными властями, — Ред.

подполье. У нас нет выбора. За нас выбрал Ярузельский. Так нам велит и польская честь и польский разум. Честь — потому что народ, который покорно согласится, чтобы его лишили свободы — недостоин свободы. Разум — потому что народ, который упустит момент, когда он может добиться свободы, никогда свободным не будет. Сегодня трудно быть оптимистом. Но мог ли кто-либо еще 10 лет назад предсказать возникновение демократической оппозиции, свободной прессы, август 1980 года и „Солидарность”? Разумеется, то, что было, не может повториться, но понимание прошедшего и представляет собой сокровище традиций, бесценное наследие и опыт прошлого. свидетельство о том, что в состоянии сделать люди на пользу своей страны.

В настоящее время подполье — факт нашей жизни. Вопрос заключается лишь в том, каким оно должно быть. Но я начну с того, каким оно быть не должно.

Оно не должно быть подпольным государством с правительством, парламентом и армией. Оно не может быть таковым и не имеет права быть таковым, потому что у подполья нет на это мандата от народа. Нашей стране нужно многое, но не самозванная власть. Нам нужно демократическое представительство, а не псевдопарламент, который в условиях конспирации другим быть не может.

„Подпольное государство” могло существовать во время гитлеровской оккупации, ибо у нас не было другого выхода, и это было военное время. Только слепой может сравнить обстановку в период генерал-губернаторства с положением Польши под властью ВСНС. Особенно в плане вооруженного подполья и террористических актов. Тут надо сказать прямо: сегодня борьба с оружием в руках может быть только делом глупцов или провокаторов, и подполье обязано защищать население от такого рода действий. Террор пригоден лишь для мести. Он вызывает ответный террор, усиливает ненависть и безжалостность и может привести к тому, что широкие круги общества откажутся сотрудничать с подпольем.

Нет, сегодня террор Польше не нужен. Польша нуждается в широком, массовом движении по восстановлению гражданского общества, которое охватило бы города и села, заводы и институты, школы и учреждения. Таким по размерам должно

быть подпольное движение „Солидарности”, но какой будет его организационная форма, — пока сказать невозможно. Ясно, что в этом движении должны быть кассы взаимопомощи для поддержки репрессированных; в рамках этого движения должны вестись размышления о будущем Польши, чтобы идея будущего демократического государства была теоретически обоснована и четко сформулирована. Нужны издательства для распространения независимого мышления и знаний о Польше и об окружающем мире. И уж совершенно необходимо руководство из числа бывших лидеров „Солидарности”, какой-то центр, который мог бы оказывать влияние на решение ключевых для нации проблем.

Вопрос о центре — это фундаментальный вопрос, и нет ничего удивительного, что именно этот вопрос вызывает столько разногласий. Наличие такого центра необходимо, но оно, безусловно, связано с риском.

Только организованный нажим, включая всеобщую забастовку, может заставить ВСНС пойти на уступки — это одна сторона медали. С другой стороны, мне кажется нереальным централизованная, иерархическая организация типа ленинской партии, которая руководила бы всем сопротивлением. Жизнь всегда намного богаче, чем организационные структуры, и сила подпольного профсоюзного объединения заключается как раз в том, что корни его глубоко уходят в народ — на заводы и фабрики, а не только в аппарат профессиональных конспираторов.

Организованная группа профессионалов, конечно, нужна для связи с заводскими и другими организациями, для функционирования независимой прессы, для создания внутренней структуры профсоюзов, для публикации и распространения листовок и т. п. Но обособленная организованная группа, не связанная с обществом, которое живет под гнетом военного положения, легко может оторваться от действительности и превратиться в армию с генералами, но без солдат. Диалектика конфликта между базой массового движения и потребностью безотказного действия кадрового состава организации неизбежен. Этот конфликт вписан в структуру движения и может быть искоренен, только если его суть будет ясна для всех.

Тут многое зависит от руководящего звена. Члены руководства должны понимать: движение сопротивления имеет

смысл лишь тогда, если его формы действия будут подходить каждому поляку, если движение будет открытым и терпимым, если в силе будет принцип, что к демократии ведут различные пути и что мазурку Домбровского (польский гимн, — Ред.) можно играть на разных инструментах. Когда мы говорим „подходящие каждому поляку формы действия”, мы не имеем в виду, что любое, направленное против ВСНС действие имеет смысл. Например, идея „черпахи”, то есть замедленной работы, мне лично кажется довольно бессмысленной. Во время второй мировой войны эта идея была пригодной — тогда польские рабочие вынуждены были трудиться на гитлеровцев. Сейчас трудно утверждать, что все плоды труда используются исключительно вопреки народным интересам.

Ленинский лозунг „чем хуже, тем лучше” сейчас бессмысленен, а уничтожение навыков добросовестной работы в будущем может стоить очень дорого. Следует искать таких способов борьбы, которые будут содействовать развитию гражданского общества, а не только раздражать „хунту”.

Но самое важное — это сохранить надежду, выдвинуть перед людьми перспективу, показать, что их усилия и риск не напрасны. Без такой стратегии, без веры в смысл противостояния, подполье не сможет опираться на широкую базу народного сопротивления. Оно будет демонстрацией нравственного протеста, взрывом народного гнева, но не будет движением с четкой политической целью, движением последовательным и терпеливым, которое может рассчитывать на победу.

„Внезапная перемена” и „Долгий поход”

Фундаментальные цели подпольной „Солидарности” очевидны: подлинно гражданское общество, свободная Польша и свобода личности. Чуда не произойдет, если поляки сами не смогут помочь себе; никогда не родится польское демократическое государство, если в обществе не сформируются демократические структуры. В Польше уже сейчас, и без подполья, создаются основы демократии, ее нравственное измерение. Перефразируя Тадеуша Конвицкого, можно сказать, что наличие подполья не только важно, оно необходимо. Без подполья мы пропадем и потеряем

национальное достоинство. При этом я отчетливо понимаю, что нравственные аспекты сопротивления не могут заменить собой конкретной политической перспективы.

Возможны два сценария последующего развития событий. Первый — „Внезапная перемена”, второй — „Долгий поход”. Сценарий внезапных, молниеносных преобразований основывается на возможности стихийного взрыва народного гнева. Такой взрыв, даже если он будет подавлен силой, может привести к расколу в аппарате власти и снова поставить на повестку дня вопрос о компромиссе с „Солидарностью”.

Подполье должно учитывать возможность такого взрыва и последующих переговоров с властью имущими. Оно должно также продумать, как избежать кровопролития и как помочь народу добиться своих требований.

Необходимо разработать подробную программу „национального примирения”, которая должна предусматривать отмену военного положения, амнистию заключенных, прекращение другого рода преследований и оформление законом „общественного договора”. Только явный провал планов ВСНС по умиротворению народа может снова поднять вопрос о подлинном соглашении между властью имущими и обществом. Добровольно от власти они не откажутся, но это не значит, что подполье должно пойти лобовой атакой на аппарат. Сейчас любая попытка открытой борьбы приведет к трагедии, потому что ВСНС готов утопить страну в крови, чтобы сохранить свою власть. Компромиссное соглашение должно признать аппарат власти, но оно должно ясно определить, что значит „ведущая роль партии” и „уважение международных союзных обязательств”.

Компромисс кончается там, где пойдет речь о положении профсоюзного объединения „Солидарность”. Независимый и самостоятельный профсоюз может внести изменения в свою программу, но только в том случае, если такое решение будет принято на его съезде. Согласие на вмешательство власти во внутренние дела „Солидарности” или на „руководящую роль партии” уничтожит профсоюз. Важен также вопрос о международных связях. Необходимо раз и навсегда провести грань между стремлением правдиво освещать историю польско-русских отношений от антисоветской политической пропаганды. Стремиться поз-

нать правду о своей истории — право каждого народа. Оценка же сложившейся международной обстановки требует холодного разума и осознания возможных потерь и шансов на успех. Следует ясно и четко понимать проблему. Это чрезвычайно важно и требует упорной работы, безотносительно к переговорам с партией и властью. Это главная задача польской политики, в том числе и при применении стратегии „долгого похода”. Эта стратегия исходит из того, что власть не в состоянии извлечь урок из событий после второй мировой войны. Она рассчитана также на затяжную позиционную войну между народом и аппаратом власти. За это время существенные перемены могут произойти и в СССР, хотя загадывать вперед надолго очень трудно. Но независимо от каких-либо перемен Польша всегда будет находиться в сфере пристального наблюдения и влияния любого русского государства. Поэтому следует стремиться уладить отношения с Россией. Я разделяю точку зрения Стефана Кисилевского, который считает, что народ (общество) сам, независимо от режима, должен стараться решить эту проблему. Да, это может показаться фантаσμαгорией. Но когда настанет время, отсутствие продуманной концепции будет свидетельством непростительной близорукости.

Я думаю, что в этой связи стоит внимательно снова посмотреть к тексту Ялтинского соглашения, в результате которого Польша, правда, оказалась в советской сфере влияния, но которое предоставляет полякам право выбрать систему правления. Власть Польской Объединенной Рабочей партии (ПОРП) не гарантирована ялтинским соглашением, она захвачена ею силой, фальсификацией выборов и благодаря Сталину, который нарушил достигнутое в Ялте соглашение.

Стратегия и концепция „долгого похода” должна привести к изоляции ПОРП и аппарата власти, должна подорвать доверие к ним и советской стороны.

Нет никакой надежды, что без основательного пересмотра политической карты мира Россия перестанет давить Польшу. Может, однако, сложиться обстановка, что Кремль сочтет ПОРП незаслуживающей доверия, польскую армию склонной к бунту, а военную интервенцию чреватой слишком рискованными последствиями. Польский народ должен быть готов и к такой возможности. Однако постоянное разжигание антисоветской пропа-

ганды вместо трезвого размышления о польско-русских отношениях абсурдно и может привести к катастрофе. Стратегия „долгого похода” требует упорства, реализма и терпения. Это не пустые фразы. Такая стратегия требует кропотливой работы, она сопровождается риском и преследованиями. Эта стратегия предусматривает постепенные реформы в области экономики, законодательства, просвещения. Это постепенная популяризация „облика новой Польши” в сознании всего народа. Такая стратегия больше, чем какая-либо другая, требует широкой просветительской работы. Для проведения такой работы должна быть разработана соответствующая программа.

Церковь и военное положение

Об уникальности польской католической церкви написано много, но стоит напомнить, что в сложившейся обстановке роль церкви возросла невероятно. В конфликте „народ—власть” церковь — не только один из участников конфликта, но и посредник. Участником конфликта церковь является потому, что она олицетворяет основное стремление народа. Сегодня именно церковь является признанной законом цитаделью народного сопротивления и, будучи посредником, она старается возвести мост между властью и народом. Еще до 13 декабря 1981 года священник Тишнер отметил во время беседы, что церковь — свидетель на политической сцене, а не политическая самостоятельная сила. Если я правильно понял это выражение „церковь — свидетель”, то, видимо, церковь должна быть своего рода гарантом честности достигнутой между народом и властью договоренности и заботиться о том, чтобы в итоге она привела к уважению основных духовных ценностей христианства, к уважению правды и человеческого достоинства, к национальному миру. Я добавил бы еще, что церковь играет роль учителя. Требование к церкви иметь политическую программу мне представляется грубо ошибочным, но определенный „катехизис” общественного поведения граждан в условиях военного положения включается в заботу о нравственности народа.

Я хотел бы обратить внимание на следующее. Многие

ожидают от церкви того, чего она им дать не в состоянии. Люди могут стараться найти в церковных документах конкретные политические указания, а в епископате видеть руководство политической оппозицией, и такая позиция — это добровольный отказ от ответственности за судьбу народа, отказ от своих обязанностей в надежде, что все сделает церковь. Однако не следует забывать, что церковь — наставник всего народа, и если авторитет церкви будет присвоен лишь деятелями одного какого-либо направления, это может иметь роковые последствия. Было бы ошибкой и сокрытие конкретных политических замыслов и программ за ширмой веры и католических символов. И еще: церковь авторитетна в области религиозных догм, но может ошибаться и неоднократно ошибалась в оценке общественной обстановки. Это тем более справедливо относительно некоторых представителей церкви. Их следует оценивать критически как любого из тех, кто высказывается по общественным вопросам. Читая выступления гданьского священника, который утверждает, что современной молодежи не нужны ни „люди из мрамора“, ни „люди из железа“, я чувствую фальшь в его словах. Я думаю, нам нужны и такие фильмы и твердые бескомпромиссные герои, которых показал в своих фильмах Вайда. Не таких людей следует опасаться, а фигур из дерева с резиновыми позвоночниками.

Такие действия церкви как защита оскорбляемых и унижаемых, помощь жертвам репрессий и их семьям, сказанные во всеуслышание слова правды и стремление достичь национального мира, определяют ту огромную роль, которую церковь играет в жизни народа. Благодаря такого рода действиям церкви возрождается общественная инициатива и народ начинает оправляться от декабрьского шока. Оживает сопротивление во всем плюрализме его проявлений и церковь снова раскрывает над ним свой защитный зонт.

Призрак бесов

Подполье не может удовлетворить всех потребностей общественного сопротивления. Подполье — лишь один из его элементов. Ради общего блага необходимо найти общую платфор-

му действий — для разных течений и для людей с разными темпераментами. Сопротивление должно стать школой свободы и демократии; каким будет сопротивление, такой будет и Польша. Над каждым подпольем витает призрак „Бесов“ Достоевского. Любая конспиративная деятельность деморализует. В тени такой деятельности расцветают секты, говорящие на только им понятном языке; в них все секретно, все подчинено тактике, отношение к правде сугубо утилитарно, а к некоторым политическим проблемам они относятся совершенно безразлично. В условиях конспиративной деятельности возникает тип конспиратора, подпольщика-профессионала, обладающего чертами, которые полезны для подполья, но опасны для будущего. Такой человек привыкает принимать решения единолично, так же он вершит суд над другими, он не доверяет новичкам и посторонним. Подполью не нужна ни демократия, ни плюрализм, оно отдалает конспираторов от нормальной жизни, искажает перспективу, порождает опасный максимализм, нетерпимость, единоначалие и фанатизм. Конспирация запрещает подчиниться противнику, но требует подчинения центру; конспирация провозглашает равенство людей, но требует соблюдения иерархии. Конспирация действует по марксистскому принципу „кто не с нами, тот против нас“. Подполье борется с полицией, но в то же время становится главной сферой деятельности той же полиции. При столкновении с подпольем политическая полиция расцветает, проникает в среду конспираторов, организует провокации. Без подполья полиция увядает, а благодаря подполью возрастает ее значение и мощь. Благодаря подполью полиция становится государством в государстве, а в определенный момент — независимым государством в зависимом государстве. Провокации полиции, в свою очередь, порождают в подполье антипровокационную истерику. Вместо проведения анализа общественных процессов подполье выпестовывает контрразведку. При возникновении кризисной ситуации в стране тоталитарная власть немедленно сваливает вину за нее на подполье: а антитоталитарное подполье в любой своей неудаче ищет руку тайных агентов. На эту опасность указывают обычно политические и идейные противники подполья. Конспиратор, однако, идеализирует подполье, и в этом нет ничего удивительного. Но ему необходимо постоян-

но напоминать, что гибельным для подполья является не полицейский террор, а безразличие или враждебность населения. Оторванное от народа подполье осуждено на гибель.

Власть это великолепно понимает и умеет этим принципом пользоваться. Все, что я сейчас говорю, легче понять, находясь вне подполья. Когда я опять в него вернусь, когда все мои усилия снова будут направлены на то, чтобы не попасть в ловушку, когда я снова буду занят листовками, тогда я об этом забуду, закрою глаза перед опасностью, тогда мне не хватит ни сил, ни времени, ни мужества проанализировать подполье и повторить высказанные мною опасения. Поэтому я пишу о них сегодня, находясь в спокойном месте – за решеткой в Бялоленке.

Немного достоинства

Подполье обязано верно оценивать то, к чему стремится польское общество, и найти правильные решения. Подполье должно ощущать, что народ нуждается в нем. Это само собой разумеется, но чтобы действовать соответствующим образом нельзя поддаваться самообману, надо четко уяснить самим себе и другим, что обстановка до 13 декабря 1981 г. не повторится. Надежда на то, что благородство восторжествует, а злодеяния будут наказаны, нереальна. Подпольная „Солидарность” не должна стремиться к отмщению. Ее обязанность – выдвинуть демократическую альтернативу. Демократия – дело не простое. Она рождается в муках, укрепляется в борьбе, и не сразу видны ее преимущества. Поэтому мы не должны кормить обещаниями ни себя, ни других. Мы не можем сразу же и безболезненно решить все проблемы Польши. Нас ждут и трудности, и риск, и разочарования. Такова цена свободы. Подполью не нужен ни моральный кодекс, ни организованность типа армейской, ни модель типа ленинской партии. Нам нужно единство стремлений и действий. И еще – уважение к иным взглядам. И признание необходимости плюрализма. Подполье не может обещать бесконфликтный мир, но обязано предложить программу конкретных действий, реформ, программу общественной самообороны. Подполье должно опираться на основные ценности польской культуры, участвовать в общественной и интеллектуальной жизни и хоть в какой-

то мере обеспечить людям чувство собственного достоинства и братства. Пусть каждый день приносит маленький глоток правды и напоминает, что компромисс – это временное решение, что политические решения не бывают абсолютными, что, как говорил философ, кроме смерти ничто не вечно.

Позволь же мне, наконец, подумать и о себе. В тоталитарной стране причастность к политической деятельности бывает результатом двух импульсов. С одной стороны, – моральный императив, с другой, – политический расчет. Утрата одного из этих мотивов превращает политическую деятельность либо в пустое морализирование, либо в аморальную манипуляцию. И первое и второе опасно. К сожалению, такая коллизия возникает чересчур часто.

Чтобы уйти в подполье, необходимо распрощаться с профессиональной и семейной жизнью, смириться с возможностью ареста, тюрьмы, одиночества. Человек оказывается исключенным из нормальной жизни и должен забыть о политико-тактических факторах в пользу моральных. Однако действуя в подполье, необходимо постоянно отбрасывать этику. Такова аксиома. Именно поэтому я считаю, что подполью нужны люди, для которых нравственный фактор важнее политического, для которых подполье – не инкубатор, где выращивают претендентов на престол. Подполью нужны люди, понимающие, что их политическая деятельность закончится с началом „нормальной жизни”, когда исчезнет необходимость в подполье, понимающие, что нормальность требует других черт характера и другого рода способностей. Вот о чем я думаю в тюрьме в Бялоленке после 20 недель этой странной „польской войны”.

Май 1982 г.

Перевод Ежи Беккера